

— Учитель Шэнь, вы сами не свои. Если не хотите открывать, я пойду и выставлю его.

Чжоу Цзыфэй осторожно обнял Шэнь Цзя за плечи, помог ему опуститься на диван в гостиной и уже направился к прихожей, но тот успел перехватить его за запястье.

— Не нужно. Я сам.

Шэнь Цзя будто пришёл в себя. Он поднял голову и посмотрел прямо в глаза Чжоу Цзыфэю, твёрдо отвергая его предложение. Лицо оставалось белым как мел, но во взгляде читалось странное, почти пугающее спокойствие.

Цзыфэй насупился. Он отлично понимал, что Шэнь Цяньлун появился сюда не с пустыми руками. Разве можно подпускать к нему Шэнь Цзя? Но стоило ему открыть рот, чтобы возразить, как Шэнь Цзя метнулся к двери. Чжоу Цзыфэй попытался его перехватить, но лишь задел кончиками пальцев край чужого рукава. Замок щёлкнул, и дверь распахнулась.

Слова застряли у Шэнь Цзя в горле при виде жалкой, опустившейся фигуры отца.

Мутные, пожелтевшие глаза Шэнь Цяньлуна горели безумием человека, загнанного в угол. Не произнося ни слова, он переступил порог. Шэнь Цзя инстинктивно отступал шаг за шагом — всё его внимание приковал предмет в руке визитёра.

Кухонный топор. Острое, блестящее лезвие.

— Ты что удумал?

Резкий рывок отбросил Шэнь Цзя назад. Перед ним выросла широкая спина Чжоу Цзыфэя. Лица младшего Чжоу не было видно, но в его ледяном, пронизывающем голосе сквозила закипающая ярость.

«Почему он так взбешён?»

Мысль мелькнула не вовремя, но на мгновение перекрыла весь панический хаос в голове Шэнь Цзя.

— Цзяцзя, спаси отца! На этот раз мне конец, я задолжал слишком много! Если не отдам деньги, меня упекут за решётку! — запричитал Шэнь Цяньлун. В его голосе звучала паника, однако пальцы, сжимавшие топориче, даже не дрогнули. — Тот человек обещал устроить мне ад в камере! Я не выдержу! Я не хочу в тюрьму, я там сдохну!

Медленно отступая, они очутились на балконе.

— Сколько? — сухо спросил Чжоу Цзыфэй.

Будучи выше Шэнь Цзя, он полностью закрывал его собой от опасности, не давая старику даже взглянуть на сына.

— Вы... вы можете расплатиться? Заплатите за меня, а? На самом деле там немного! Всего два миллиона, честное слово, копейки!

Шэнь Цзя не выдержал и выкрикнул из-за спины Цзыфэя:

— Никто за тебя платить не станет! Иди в тюрьму и гни там до конца дней! Чёрт бы тебя побрал, чтоб ты вообще оттуда не вышел!

— Заткнись, сука! — взревел Шэнь Цяньлун. — Тварь неблагодарная! И на кой хрен я тебя растил? Надо было прибить тебя ещё в детстве! Вся моя жизнь из-за тебя наперекосяк! От девки и то толку больше — её хоть продать можно за хорошую цену, а с тебя, мужика...

Оскорбления пьяного скота оборвались. Высокий красноволосый мужчина перед ним изменился в лице так страшно, что у Шэнь Цяньлуна перехватило дыхание. Он будто наткнулся на невидимую стену и застыл, не смея выдать ни звука.

Кровь хлынула Шэнь Цзя в голову. Продать? Этот изверг собирался его продать? Мало ему было видеозаписей и снимков из комнаты? Что ещё он хотел выставить на торги?!

В памяти против воли всплыли тёмные, сырые дни детских лет, проведённых в подвале, и то, что творил там Шэнь Цяньлун.

— Ты вымогаешь два миллиона, угрожая холодным оружием, — невозмутимо произнёс Чжоу Цзыфэй, прощупывая намерения соперника. — Понимаешь, что за разбой и шантаж срок увеличится вдвое?

Почувствовав, как дрожит Шэнь Цзя, Цзыфэй нащупал его запястье. Тёплая, сухая ладонь накрыла бешено бьющийся пульс.

Изначально Цзыфэй планировал сам открыть дверь и позволить старику слегка задеть себя лезвием. Нападение с оружием плюс вымогательство — с таким набором Шэнь Цяньлуна закрили бы по полной программе. Но Цзяцзя неожиданно рванул вперёд сам, заставив Чжоу Цзыфэя переживать смертельный ужас за его жизнь.

— Ты... ты ведь не пойдёшь в полицию, а? — Шэнь Цяньлун окинул Чжоу Цзыфэя беглым взглядом. Этот мужик совсем не походил на того щеголеватого альфонса Юй Сяньхана. Решив, что перед ним такой же «нормальный» мужчина, не интересующийся парнями, старик гнусно оскалится: — Вы ведь спите с моим щенком? Поможешь мне — считай, помог ему! Мой сынок

не только с лица красив, он с самого детства шёлковый. Будешь драть его, как девку, делов-то!

Он сипло захихикал, упиваясь собственной догадкой:

— Гони два миллиона, и он твой. Заплатишь — и делай с ним всё, что в голову взбредёт, хоть на части режь! Я слова не скажу и под ногами мешаться не стану!

В его тоне прозвучала мерзкая, сальная ухмылка продавца, сбывающего порченный товар.

Шэнь Цзя заледенел. Ярость, отвращение и накопившаяся за долгие годы ненависть разом захлестнули сознание. Задыхаясь от гнева, он огляделся по сторонам и сграбастал тяжелый керамический горшок с балкона. Сжав его обеими руками, он замахнулся, готовый размозжить отцу череп, но в этот момент раздался оглушительный звон разбитого стекла.

— А-а-а-а!

Шэнь Цяньлун дико заверещал. Из рассечённого лба хлынула алая кровь, мгновенно заливая глаза.

— Заткни свою пасть, — ледяным, загробным тоном произнёс Чжоу Цзыфэй.

Шэнь Цзя невольно обернулся. Рука Цзыфэя всё ещё оставалась поднятой в воздухе, на вздувшихся венах натянулась кожа.

Шэнь Цяньлун рухнул на пол. Из пробитой головы густыми толчками струилась кровь, окрашивая белоснежную плитку и перемешиваясь с осколками стакана. Алые ручейки расплзались по межплиточным швам — удар выбил из старика остатки спеси.

На смену краткому мигу злорадства в душе Шэнь Цзя вновь поднялась удушающая волна ненависти. Он жаждал только одного: чтобы этот ублюдок сдох прямо сейчас.

Вырвав руку из хватки Цзыфэя, он шаг за шагом двинулся к распростёртому телу, всё ещё сжимая горшок. С поддона осыпалась сухая земля, лепестки китайского гибискуса мелко дрожали.

— Учитель Шэнь, не надо!

Цзыфэй перехватил его за локоть за секунду до удара.

— Пусти! Я убью его! Я размозжу ему башку!

— Нельзя! Шэнь Цзя, опомнись! Полиция уже едет, тебе нельзя мारать руки!

— Почему нельзя?! Почему тебе можно, а мне нельзя?! Пусти меня! Пусти!

Шэнь Цзя бился в его руках, как безумный, глядя на потерявшего сознание отца налитыми кровью глазами.

Ненависть выжигала его изнутри. Годы, проведённые в тёмном подвале, шрамы, покрывавшие тело... Почему ему запрещают расправиться с этим извергом? Зачем его удерживают? Он хотел разорвать, растоптать, уничтожить Шэнь Цяньлуна! Даже если тот сдохнет, Шэнь Цзя готов был терзать его труп снова и снова!

Чжоу Цзыфэй понимал всю глубину его боли и отчаяния. Ещё когда старик мерзко сболтнул: «Мой сынок не только с лица красив, он с самого детства шёлковый...», Цзыфэй осознал, через какой ад пришлось пройти Шэнь Цзя.

Но позволить ему совершить убийство он не мог. Если Шэнь Цзя ударит, старик помрёт, а сам Цзяцзя отправится за решётку.

Шэнь Цзя был подобен чистейшему первому снегу, алой сливе на лютom морозе. Он должен жить под чистым небом, быть счастливым и свободным, а не губить свою жизнь из-за ничтожества.

— Чжоу Цзыфэй, отпусти! Отпусти меня! Я ненавижу тебя! Слышишь, ненавижу!

— Ты с ними заодно! Вы все одинаковые! Ты тоже будешь надо мной издеваться!

Сжатый в стальных объятиях, Шэнь Цзя задыхался от бессильного гнева. Глаза его расширились, из них непрерывным потоком текли слёзы. Голос сорвался на истеричный, детский крик, а слова рвались наружу без всякого контроля:

— Ты лгал мне! И ты тоже лгал!

— Тебе просто нравится смотреть, как я схожу с ума! Приятно видеть меня в таком ничтожном виде, да?! За что вы все меня мучаете? Разве я прошу многого?! Я просто хочу жить как нормальный человек! В чём я виноват?!

— Я ведь тоже человек! Мне тоже больно! Я изо всех сил старался, я готов был простить что угодно! У меня ничего не осталось... Неужели я не заслужил, чтобы хоть кто-то любил меня искренне?!

— Почему?! Ну почему опять я?!

— Скажи мне, почему меня всегда предают и бросают?!

Шэнь Цзя окончательно потерял контроль. Он и сам не знал, кому адресует эти выкрики: Чжоу Цзыфэю, Шэнь Цяньлуну, Юй Сянхану или самим небесам?

Он терпел слишком долго. С самого детства.

Когда Лу Хэ забирала вещи после развода, ему хотелось крикнуть: «Мама, возьми меня с собой! Я буду послушным, я ем совсем мало и не буду стоять тебе ни гроша!»

Когда Шэнь Цяньлун истязал и домогался его в подвале, он просил про себя: «Папа, ты же обещал на мой день рождения, что всегда будешь меня защищать... Я ведь твой сын, не делай мне больно...»

Когда Юй Сянхан изменял ему и пренебрегал им день за днём, он хотел спросить: «Ты забыл, как клялся любить меня вечно? Прошло всего шесть лет... За что ты так со мной?»

Он годами обманывал себя, твердя, что всё наладится. Заглушал душевную боль физической, заставлял себя держаться.

Но больше сил не было.

Ему хотелось спросить у всего мира, у самой судьбы: за что всё это выпало именно ему? Неужели он не достоин того, чтобы хоть кто-нибудь встал рядом и просто сказал: «Не бойся, я с тобой»?

— Мне просто невыносимо больно за тебя...

Хриплый голос прервал его поток истерики. Шэнь Цзя вздрогнул и осёкся.

Смутное предчувствие подсказало, что сейчас Чжоу Цзыфэй произнесёт слова, к которым он боялся прикоснуться. Накатил липкий страх. Захотелось зажать уши и убежать, забиться в самый дальний угол. Но Цзыфэй сработал быстрее — крепкие руки удержали его, и Шэнь Цзя рухнул обратно в широкие объятия.

— Когда ты плачешь, когда тебе больно и одиноко... у меня сердце разрывается, — тихий голос Цзыфэя проникал в самую душу. — Я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Мечтаю видеть твою улыбку. Я не позволю тебе сломать жизнь из-за этих тварей и навечно остаться в их тени.

Цзыфэй сжал его так сильно, что между их телами не осталось ни сантиметра. Широкая грудь плотно прижималась к дрожащей спине Шэнь Цзя, узкая талия оказалась перехвачена стальным кольцом рук.

— Что... — пролепетал Шэнь Цзя, застыв в этом неожиданном тепле. Слезы всё так же катились по щекам.

И Чжоу Цзыфэй выдохнул — отчётливо, честно, отдаваясь каждому слову:

— Ты нравишься мне. С самого первого дня, как я тебя увидел. Пожалуйста, не отталкивай меня. Я просто хочу заботиться о тебе и любить тебя.

Признание, которого Шэнь Цзя так боялся, всё же прозвучало.

С улицы донёсся вой полицейских сирен. Кто-то закричал под окнами: «Вот эта квартира! Там мужик с кухонным топором!», а на полу приходил в себя Шэнь Цяньлун, тихо стелая от боли.

Вокруг царил хаос, но Шэнь Цзя слышал лишь оглушительный, бешеный стук двух сердец.

И с оглушительным треском последняя стена, защищавшая его израненную душу, рухнула.

<http://bllate.org/book/19971/1985857>